
Studia Culturae: Вып. 4 (46): Биографический метод как механизм передачи культурного кода. (Авто)биография vs история: П. Незник С. 250-258.

ПЕТЕР НЕЗНИК

*Кандидат философских наук, доцент
Университета П. Й. Шафарика г. Кошице,
Философский факультет*

УДК 130.2

О ВРЕДЕ И ПОЛЬЗЕ ПАМЯТИ ДЛЯ ЖИЗНИ¹

В статье рассматриваются связь истории философии и культурной памяти. История философии должна функционировать как «память» философии. Мы знаем много форм истории философии. Включает ли она не только философа и его работы, но также жизнь, время и события жизни философа? Академическая, так называемая, профессорская форма истории философии, насколько она служит сохранению культурной памяти?

Ключевые слова: память, философия, история философии, фотография, поколение, философия трагедии.

PETER NEZNÍK

*C.Sc. in Philosophy, Associate Professor
P. J. Safarik University of Kosice, Faculty of Philosophy
Moyzesova st. 9, 040 01 Kosice, Slovakia*

ABOUT THE HARMFULNESS AND USEFULNESS OF MEMORY FOR LIFE

The article focuses on the heights of the spirit and the lowlands of the spirit (spiritual poverty). The history of philosophy should function as a "memory" of philosophy. We know many forms of the history of philosophy. Does this include not only the philosopher and his works, but also the life, time and events of the philosopher's life? Academic - the so-called 'professors' - form of the history of philosophy. History of philosophy as a philosophy of tragedy - similarity and difference.

Keywords: memory, philosophy, history of philosophy, photography, generation, philosophy of tragedy.

¹ Projekt VEGA 1/0058/21 „Problém človeka v digitálnej dobe. O úžitku a škodlivosti filozofie pre život (človek a myslenie v pavučine sieti a médií)“.

Философия и история философии. История философии должна схватить самое важное в развитии мышления для будущих времен и поколений. Каждый историк философии имеет свою перспективу, свой опыт, знания и стремление выработать собственный подход, свою оригинальную схему, чтобы создать панораму проблемы или исторического периода философии. Память и фотография, но также и история философии работают посредством света и тьмы, чтобы схватить жизнь и истину. Ю. Лотман рассказал историю фотографа, который вместо жизни неожиданно “схватил” ее сестру - смерть.

Иногда историки философии поддаются привычным схемам интерпретации под давлением авторитета философа прошлого и забывают самое важное – критически взглянуть собственными глазами и охватить мыслью, вновь и вновь обращаясь к первоисточнику, анализируя тексты философа, углубляясь в тексты его современников.

Ф. Ницше, как и многие его наследники, между ними Л. Шестов, были критичны к историкам, как и к мэтрам философии, особенно академической, т.е. «профессорской философии», ибо в их подходах к истории философии все из жизни философа выбрасывалось как не нужное и сугубо личное, мешающее объективному рассмотрению и теоретическому исследованию.

Когда я размышлял над темой этого текста, я обратился к фотографии. Попробую объяснить причину такого поворота. Я опять перечитал статьи в книге Юлии Синеевой «Эманнации любви», где были помещены тексты о любви, жизни влюбленных пар а также и их фотографии, которые приоткрыли занавес их жизни. Русский философ Лев Шестов был тоже на одной фотографии в одежде, которая наводила мысль на военную форму, но в те времена многие любили так одеваться, например, наш философ, социолог и политик Т. Г. Масарик, первый президент Чехословакии, или художники. Лишь позже я узнал ближе семейные условия и «детали», которые были несовместимы с теми впечатлениями от фотографии. Фотография не все сможет схватить, объяснить. Подобное происходило и с другими философами, писателями, с которыми я сначала знакомился по их текстам, произведениям. Одним из них был и наш Душан Маковицкий, близкий сотрудник русского писателя Льва Николаевича Толстого. Иногда счастливый случай может рассекретить многие тайны и тогда сразу некоторые мысли или скорее конструкции и догадки являются совсем в другом свете. Но некоторые могут и подтверждаться.

Мои размышления связаны с тем, что я стремился понять ситуацию, которая складывалась в академической среде России, когда опять подня-

лась дискуссия об академической свободе и научно исследовательской работе, бурно шли прения, споры о скопусах и их месте в сфере гуманитарных наук. В те дни я прочитал статью Бориса Васильевича Маркова как раз по этой теме. Надо сказать прямо, его текст меня задел, “схватил за живое”, так как та же самая ситуация «скопусовская истерия» или «скопус-пандемия» захватила и нас в Словакии. Нас пугает не менее, чем Covid -19, этот “скопусовский вирус”. Нам, гуманитариям, придется решать гамлетовский вопрос – «Быть или не быть?») Раньше или позже мы будем вынуждены решить, как будем жить и как будем работать. Или мы подчинимся этому диктату и будем следовать по пути «скопусовизации», угождая и требованиям чиновникам от науки, или решимся принять вызов и пойдем своим путем – путем свободного мышления. Наверное, опять наступила пора говорить о глубоком духовном кризисе и предательстве интеллектуалов... Оно совершается, когда их шантажируют и не дают реального выбора. У всех есть семьи, обязанности перед детьми и супругами и под давлением *страха* наконец многие согласятся на все - лишь бы спасти свою, хотя и не свободную и не творческую жизнь, но возможность работать. Пока у нас в Словакии в университетах нет еще смелости поднимать головы, бунтовать, поднимать свой голос, «рвать рубашку на груди» и идти в открытой бой... с бюрократией. Почему? Так как нами в университетах годами управляют, «рулят» администраторы - наши коллеги естественники и технари, просто менеджеры-технократы, которые по роду своей науки не привыкли к диалогу, так как знаем, что наука, по словам М. Хайдеггера, не только не мыслит, но она просто есть такова - она монологична...

Не надо забывать ту «маленькую деталь», как заметил Борис Васильевич Марков, что «школа и университет – это тоже дисциплинарные машины. Их шестерни перемалывают тех, кто не сдал экзаменов, не защитил диссертацию, не смог написать книгу, удовлетворяющую рецензентов» [1; С. 59]. Тут сразу хочется вспомнить текст испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета про университет под названием «Миссия университета». Дискуссии об университете шли волнами, и всегда были те, кто старался смело и без страха смотреть вперед и мог предугадать угрозы, которые были впереди.

М. Хайдеггер, размышляя над мышлением, показал, что мышление и память имеют связь, о которой мы забыли, так как мы забыли об условиях совершения мышления - тишине, молитве и уединении. Нам все еще сложно ответить на вопрос «что зовется мышлением?». Мы идем окружными путями, и память выступает для нас также большой загадкой. По Хайдеггеру, слово «память» утрачивает свое подлинное значение и «... уступает позднее свое имя ограниченному именованию, которое под памятью разу-

меет лишь только способность удерживать что-либо от прошлого» [2; С. 226]. Как не странно, мысли и глубокие раздумя этих мыслителей, мэтров философии нам очень близки. Почему? Наверное, потому, что суть человека и самые важные проблемы, «проклятые вопросы» постоянно одни и те же. Философия и ее «сестры» - естественные и технические науки – их соотношение осталось прежним. Наука и техника была и остается на службе политиков и власти. «Сегодня возникли новые формы пацификации, порожденные глобализацией. Транснациональные кампании, банки, издательства, информационные концерны существенно ограничивают амбиции правительств тех или иных национальных государств, разрушают их классическую державную политику. К этому добавились негосударственные организации, наподобие Гринпис или Международной амнистии, которые существенно ограничивают произвол национальных государств. «Союз народов», как о нем мечтал Кант и современное «мировое сообщество» - конечно разные вещи... Сегодня много говорят об ответственности интеллигенции. В связи с этим возникает вопрос: являются ли интеллектуалы субъектом ответственности и за что отвечают, если сами являются продуктом системы, которую берутся оценивать? Что значит «отвечать»? Является ли ответственность долгом, обязанностью или она связана с обещанием?... Очевидно, что память о прошлом, обязанность настоящего и долг перед будущим составляют заботу человека. Раньше человек позиционировался как деятель, а мир как сфера его влияния. Поэтому он считался ответственным за все. Сегодня сам человек является продуктом технологий. Кто же берет ответственность за то, что происходит?» [1; С. 58-59]. Нас постоянно поучают коллеги из естественных наук (как взрослые любят все время поучать детей, читают им мораль о том, как надо себя вести) как делать науку: – нужно “успевать” , бежать за современностью – быть в погоне за актуальностью. Странно, для них их прошлое, история их науки совсем не важна, этого они не ценят. Также и не хотят понять, что мы думаем и работаем (и должны так размышлять и поступать) в философии иным способом, нежели математики или техники-компьютерщики, для которых калькулирующее мышление есть основа, фундамент. Мартин Хайдеггер противопоставлял науку - калькулирующее мышление и философию – как размышляющее мышление. Он стремился показать их кардинальное отличие, и не побоялся высказать в лекциях под названием «Что зовется мышлением?», что наука не мыслит. Скандальные слова философа. Как такое может быть? Ученые не мыслят, так как мыслят мыслители, сказал Хайдеггер. В свое время Ницше обратился к словам Гёте, начиная размышления о пользе и вреде истории для жизни: «Мне, во всяком случае,

ненавистно все, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности» [3; С. 159].

Это направление размышлений продолжалось и в XX веке. Так размышлял, например, Ортега-и-Гассет в лекции про университет, науку и технику.

Х. Ортега-и-Гассет в книге «Что есть философия?» (1929), уделил внимание важным проблемам своего времени – времени, когда революционные настроения преобладали среди испанской молодежи, а университеты были закрыты и философ читал свои лекции в театре. Он обратил внимание на проблему поколений – поколений, которые живут в одно время. Какие суть их отношения? Так, по Ортега-и-Гассету в любом настоящем – в любом «теперь» – живут три поколения: молодежь, зрелые люди и старики. «Теперь – это для одних двадцать, для других – сорок, а для третьих – шестьдесят лет... Мы все современники, мы живем в одном и том же времени... Одинаковы лишь ровесники. А современники не ровесники. В истории обязательно нужно проводить различие между ровесниками и современниками» [8; С. 62]. Вторая лекция Ортега-и-Гассета имеет название «Упадок и расцвет философии. Драма поколений. Империализм физики». Лицо истории, по Ортега-и-Гассету, «звучание времен не изменится из-за того, что кто-то избрал новую идею или новое чувство, - как не изменится цвет Атлантического океана из-за того, что художник-маринист омыл в нем свою кисть...» [8; С. 61]. Но если вдруг огромная людская масса усвоит эту идею и загорится этим чувством, тогда «арена истории, лик времен окрасятся в новый цвет... Потому исторические перемены требуют появления таких людей, которые так или иначе отличались бы от тех, кто были, требуют смены поколений. Уже давно я твержу историкам, что понятие поколения – самое важное в истории» [8; С. 62]. Для того, чтобы произошли серьезные изменения нужно, чтобы появились люди с новым жизненным восприятием. К проблеме связи памяти культуры и судьбе поколения в культуре обращается современный исследователь - Людмила Е. Артамошкина. Характер этой связи определяется ею через понятие «биографический тип». В своей книге она пишет: «Впервые это понятие было введено в работе Ю. Н. Солонина «Декарт: образ философа в образе эпохи». Здесь употребляется понятие биографического типа и дано определение: «Тип культуры – это некий интеграл биографических типов делающих ее людей. Биографический тип, это прежде всего, структурная характеристика индивидуального жизненного состояния, воспроизводящего в сжатой форме единичной жизни конкретного человека основные жизненные состояния века и согласующегося с ними.» [9; С. 175]. Декарт, по Солонину, воплощает в себе существенные черты эпохи, и, как подчеркивает Артамошкина, «одновременно собственной стратегией поведения предлагает

той же эпохе новую биографическую модель... Отправной точкой в культуре для формирования биографического типа становится жизнь конкретной личности» [9; С. 175]. (см. ближе Артамошкина, Л.Е. Биография поколения. Олицетворение истории. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество 2012, с. 174). Нам кажется, что такой подход связан также с идеей Ортеги-и-Гассета – через проблему поколений возможно более детально рассмотреть важные темы русской философии и литературы в контексте западной философии, как это делает в своих работах И. И. Евлампиев «Русская философия в европейском контексте» (2017) и в других работах и статьях. Л. Артамошкина в своей книге посвятила главу под названием «Петербургский провинциал: Василий Васильевич Розанов». Она пишет: «Личность рубежа веков была поставлена перед необходимостью определить свои взаимоотношения с историей, с эпохой, она была нацелена на «разглядывание» следующих шагов истории... Фигурой, менее всего соотносимой с каким-либо направлением, школой или течением начала века был В. В. Розанов. Именно для него в большей степени характерно то специфическое соотношение биографии и творчества... В центре у Розанова он сам как «частный человек», человек, который «везде раньше теории». Его «писания» невозможно воспринимать без учета особенностей личности автора» [9; С. 50].

Часто в материалах о великих философах, историках философии, какими были, например, в Чехословакии философы как Томаш Г. Масарик или Ян Паточка, отсутствует самое ценное – личность мыслителя, нам не известны самые ценные и самые важные сведения об их жизни, контактах, связях, сотрудниках и возможных идейных общениях, вдохновителях, оппонентах. Мы получаем “антикварную” форму истории философии, как сказано Ницше – профессорской, о чем почти в то же время говорил и Лев Шестов. Она лишь нашла факты на факты и, работая по образцу муравья, стремится знать обо всем, гонится за каждой крупинкой, мелочью и деталями... Но самое важное она теряет – жизнь, звук сердца самого философа, которые конечно есть в его книгах, текстах, их можно найти в их глубине, но полезно обращаться к эпистолярной форме, дневникам.

Кажется, что личное находится вне большого коридора истории и ее проспектов, по которым шагают выдающиеся личности, оставляя свой след...

Мы читали у Хайдеггера о том, как сама память «выветрилась» и получила значение в качестве способности хранить прошлое, или совершать его беглое восстановление. Но для жизни и заботе о ней важна память. Вспоминая, мы способны восстановить живую связь поколений. Так в своей книге А. Липская «Листая прошедшие годы» приостановила поток

времени, чтобы сохраненное памятью не кануло без следа... Она сохранила образы мира поколения наших родителей и учителей.

Память и семья. Память и родина. Память и история. Волшебным медиумом, имеющим магическую способность схватить миг, приостановить вечно исчезающее, теряющееся в стране забвения является фотография. Она связана с нашей памятью, и всегда, когда мы всматриваемся в нее, как будто начинается на экране проекция “фильма” из архива былого. Когда я был в гостях у моей двоюродной сестры Славы (ее девичья фамилия Маковицка), мы смотрели альбом фотографий. Она с грустью сказала, что она любит возвращаться к альбому с фотографиями. Довольно часто она их пересматривает, особенно тогда, когда она дома одна, - смотрит и вспоминает. Наверно такие дни, вечера у нее бывают часто. Такой бывает обыкновенно судьба женщин наших дней. Быстро проходят годы молодости, времена повседневных забот, и дети уходят из родительского дома, чтобы жить свою жизнь. Тем более, если они, жёны, живут дольше своих мужчин. Мужчины ведут интенсивную жизнь, они работают “износ”. Страх голода, жажда жизни в достатке может обернуться самой главной потерей – уходит сама жизнь. Жизнь состоит из чередований степени интенсивности в каждый момент её. Точно как и фотография – здесь тоже надо иметь определенное количество света и тьмы, важна интенсивность света. «Искусство жизни» высветляется «искусством фотографии». Фотография помогает памяти вернуться в былое – в прошлое. Надо признаться, что я не люблю смотреть фотографии и альбомы. У меня нет такой необходимости оборачиваться на годы моего детства или на совсем недавние годы – они все время находятся в моей памяти, там есть лары памяти, в моей душе. И хотя многие мои близкие уже умерли, они все таки не потеряны мною, не похоронены в песке или в каком-то в далёком месте, откуда их образам во мне уже нет возврата. Мы впадаем в обман, когда думаем, что фотография имеет ту волшебную способность схватить самое важное, тот самый миг, который ценнее для нас всего...

В книге Р. Барта есть одна идея, которая мне кажется важной, особенно для наших раздумий: «Если мы хотим хорошо видеть фотографию, так надо приподнять голову или немного закрыть глаза. Условием образа есть зрение», говорил Яноух Кафке. Кафка улыбнулся и ответил: «Вещи снимаются потому, чтобы мы их выбросили из мысли. Мои истории тоже суть таким способом, как возможно закрыть глаза». Фотографии должны быть “молчаливыми” (но есть и очень “громкие” фотографии, такие я не люблю): здесь не имеется в виду дискретность, но речь идет о “музыке”. Абсолютная субъективность может быть достигнута только в определен-

ном состоянии, в усилении тишины (закрывать глаза – значит позволить изображениям говорить безмолвно» [6; С. 54].

Также мы можем обратиться к книгам из мастерской В. Флюссера, например, к его «За философию фотографии» (1983г.). В статье «Фотографический универсум Вилема Флюссера» ее авторы – Валерий Савчук и Гульнара Хайдарова – упоминают идею внимательного читателя Флюссера и его наследника – Дитмара Кампера, который делает акцент на насилии, которое несет в себе фотография. Для Флюссера был важен и Э. Юнгер, который считал фотографию чем-то наподобие оружия. Фотография и ее изображения делаются посредством соотношения света и тьмы, через их взаимную игру. Посредством света мы что-то сможем сохранить, схватить, но, с другой стороны, тьма тоже имеет способность многое спрятать, чтобы что-то осталось не зримым, спрятанным “за занавесом.”

Когда я размышлял над этим текстом, то мне после разговора с моей двоюродной сестрой удалось достать книгу про семейство Маковицких – их генеалогическое исследование. Я ближе познакомился с его жизнью и историей в книге «Между банками и мельницами. Семейство Маковицких». Банк и мельница, колесо мельницы мелет зерна, чтобы получить муку. Так часто получается и с человеком, его жизнью. Он тоже попадет под шестерни, которые его перемалывают. Я увидел, что это семейство во многом своей судьбой было похоже на семью Льва Шестова. Они успевали в коммерческих делах, участвовали в политической, просветительской, культурной жизни, переживали трагедии и потрясения. Так приоткрывается опять новый и большой простор для поисков и раздумий над прошлым, которое, благодаря текстам, фотографиям и портретам, особенно, биографии, делает факты живыми и способными внести более света в потемки нашей памяти. Трагедия не чужда жизни философа; как не званый гость она входит в его жизнь и в его дом. Иногда философ ищет помощи вне арсенала философского разума – как отмечает молодой словацкий историк философии Э. Дедечкова в своей книге [11] о философе, феноменологе О. Финке. Если мы хотим увидеть живое “лицо” истории философии, то такие книги нам могут оказать большую помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марков, Б. В., 2014. Ответственность, общество, человек. // *Философия ответственности*. Под ред. Е. Н. Лисанюк; В.Ю. Перова. СПб.: Наука. С. 255.
2. Хайдеггер, М., 2006. *Что зовется мышлением?* Пер. Э. Сагетдинова. М. Издательский Дом «Территория будущего». С. 320.

3. Ницше, Ф., 1990. О пользе и вреде истории для жизни. // Ницше, Ф. *Сочинения в двух томах*. М. Мысль. С. 829. Т. 1. С. 158 - 230.
4. Koubská, L., 1992. Fraška v naší jeskyni. // *Nedělní lidové noviny*, 22. srpna 1992.
5. Ortega y Gasset, J., 1994. *Vzbura davov*. Prel. V. Orelíny. Bratislava: Remedium. S. 248.
6. Barthes, R., 2005. *Světlá komora. Poznámky k fotografii*. Prel. M. Petříček. Praha: Fra. S. 124.
7. Machiavelli, N., 1986. Rozpravy o prvních deseti knihách Tita Livia. // Machiavelli, N. *Úvahy o vládnutí a o vojenství*, Prel. J. Hajný. Praha: Naše vojsko. S. 368.
8. Ортега-и-Гассет, Х., 1991. *Что есть философия?* Пер. Н.Г. Кротова; В.С. Кулагина-Ярцева. М., Наука. С. 408.
9. Артамошкина, Л. Е., 2012. *Биография поколения. Олицетворение истории*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 210.
10. Палиевский, П., 1989. Василий Васильевич Розанов. Из истории русской философской мысли. // *Литературная газета*. 28-ого июня 1989 г., № 26 (5248). С. 5.
11. Dědečková, E., 2018. *Kozmologická filozofia výchovy Eugena Finka*. Praha: Univerzita Karlova – Pedagogická fakulta. S. 172.

REFERENCES

1. Markov, B. V., 2014. Otvěstvennost', obshchestvo, chelovek. // *Filosofiya otvěstvennosti*. Pod. red. E. N. Lisanyuk; V.YU. Perova. SPb.: Nauka. S. 255.
2. Hajdegger, M., 2006. CHto zovetsya myshleniem? Per. E. Sagetdinova. M. Iz-datel'skij Dom «Territoriya budushchego». S. 320.
3. Nische, F., 1990. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. // Nische, F. *Sochine-niya v dvuh tomah*. M. Mysl'. S. 829. T. 1. S. 158 - 230.
4. Koubská, L., 1992. Fraška v naší jeskyni. // *Nedělní lidové noviny*, 22. srpna 1992.
5. Ortega y Gasset, J., 1994. *Vzbura davov*. Prel. V. Orelíny. Bratislava: Remedium. S. 248.
6. Barthes, R., 2005. *Světlá komora. Poznámky k fotografii*. Prel. M. Petříček. Praha: Fra. S. 124.
7. Machiavelli, N., 1986. Rozpravy o prvních deseti knihách Tita Livia. // Machiavelli, N. *Úvahy o vládnutí a o vojenství*, Prel. J. Hajný. Praha: Naše vojsko. S. 368.
8. Ortega-i-Gasset, H., 1991. CHto est' filosofiya? Per. N.G. Krotova; V.S. Ku-lagina-YArceva. M., Nauka. S. 408.
9. Artamoshkina, L. E., 2012. Biografiya pokoleniya. Olicotvoreníe istorii. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. S. 210.
10. Palievskij, P., 1989. Vasilij Vasil'evich Rozanov. Iz istorii russoj fi-losofskoj mysli. // *Literaturnaya gazeta*. 28-ogo iyunya 1989 g., № 26 (5248). S. 5.
11. Dědečková, E., 2018. *Kozmologická filozofia výchovy Eugena Finka*. Praha: Univerzita Karlova – Pedagogická fakulta. S. 172.